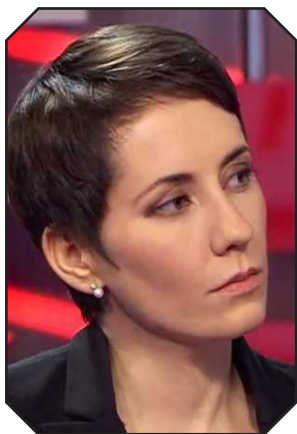

Е. М. Слободенюк

Мобильность россиян в координатах жизненных шансов и рисков¹

СЛОБОДЕНЮК

Екатерина

Дмитриевна — кандидат

социологических наук,

старший научный

сотрудник Института

социальной политики

НИУ ВШЭ. Адрес:

101000, Россия, Москва,

ул. Мясницкая, д. 20.

Старший научный

сотрудник Института

социологии РАН. Адрес:

117218, Россия, Москва,

ул. Кржижановского,

д. 24/35, комн. 5.

Email: [eslobodenyuk@](mailto:eslobodenyuk@hse.ru)

[hse.ru](mailto:eslobodenyuk@hse.ru)

Статья посвящена анализу социальной мобильности и иммобильности россиян в стратификационной иерархии российского общества, построенной на основе индикаторов жизненных шансов (веберовская традиция стратификационного анализа). Социальная мобильность трактуется как переход между тремя массовыми стратами российского общества. На основе панельных данных исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ с применением метода моделирования групповых различий в траекториях развития (Group-Based Trajectory Modelling — GBTM) анализируется интервал с 2013 г. по 2018 г. и оцениваются масштабы социальной мобильности и иммобильности и характеристики социальных групп, им соответствующих. Показано, что четверть россиян на этом временном промежутке переходили из страты в страту, то есть совершили социальную мобильность (оставшиеся, соответственно, были иммобильны). Показано, что случаи значительных жизненных изменений, которые приводили бы к мобильности «на дальнюю дистанцию» (то есть к переходу из нижней страты в верхнюю и наоборот), в среднесрочной перспективе являются чрезвычайно редкими и не фиксируются методом GBTM как достаточно массовое социальное явление. Шансы попасть в нижнюю и верхнюю страты из средней зависят от качества человеческого потенциала и как результат от места в системе производственных отношений. Наибольшая вероятность устойчиво пребывать в верхней страте наблюдается у высококвалифицированных россиян, занятых умственным трудом, происходящих из высокообразованных семей, обладающих хорошим здоровьем. Для этих россиян работают композитные ренты, которые в том числе способствуют восходящей мобильности из средней страты в верхнюю. Устойчивое пребывание в нижней страте — это наиболее вероятный удел для россиян с низким уровнем образования (не выше полного среднего), занятых тяжёлым физическим трудом, а также для пенсионеров, характеризующихся столь же низким образовательным уровнем и занимавших схожие профессиональные позиции в прошлом. Риски скатиться из средней в нижнюю страту формируются преимущественно за счет занятия плохих рабочих мест, на которых нарушаются права работников, что формирует их социальную незащищённость и нестабильность жизни. В статье также показано, что социальное происхождение продолжает играть большую роль в формировании шансов на занятие более высокого или низкого места в социальной иерархии и на стабильность пребывания на этой позиции, а навыки использования информационных технологий формируют новое основание для неравенства между людьми.

Ключевые слова: социальная мобильность; иммобильность; социальная стратификация; жизненные шансы; социальные риски; социальное благополучие; социальное неблагополучие.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20125-П).

Введение

Изучение социальной мобильности — это фундаментальное исследовательское направление, позволяющее понять социальные процессы, протекающие в обществе и влияющие на устойчивость его структуры. В условиях нарастания доходных и имущественных неравенств во всём мире (и в России, в частности) феномен социальной мобильности вновь привлекает внимание научного сообщества. Понятие «социальная мобильность», введённое ещё П. Сорокиным², многоаспектное и сложное, отчего в научной литературе присутствуют различные традиции его анализа, многообразие исследовательских вопросов и предметных полей. Один лишь российский научный дискурс, развернувшийся вокруг этого феномена, чрезвычайно обширен и затрагивает аспекты мобильности в советский период и послереформенные годы, в различных социальных группах и категориях, в рамках жизненного цикла, с точки зрения влияния на него социальных институтов и многое другое³.

Социальная мобильность трактуется в первую очередь как перемещение между статусными позициями в обществе [Сорокин 1992: 373–375; Goldthorpe, Jackson 2007: 527], поэтому ключевые западные исследования традиционно проводились экспертами в области социальной структуры и стратификации. Отличие работ, относящихся к этой методологической традиции, заключается в том, что в них подвергаются анализу не отдельные социальные группы или процессы, а всё общество как совокупность структурных позиций. Для выявления факта совершенной мобильности между этими позициями в исследованиях такого плана обосновываются теоретико-методологический подход к стратификации общества, критерии определения границ крупных социальных слоев (страты, классы, касты, сословия), после чего изучается перемещение населения между социальными слоями.

Научных исследований, следующих именно такой традиции анализа и фокусирующихся на российском обществе, сравнительно немного. Их предметом преимущественно выступает мобильность в рамках доходной стратификации общества [Bogomolova, Tapilina 1999; Jovanovic 2001; Lukyanova, Oshcherkov 2012; Dang et al. 2019; Mareeva, Slobodenyuk 2020] либо между статусными позициями в субъективно воспринимаемой населением его структуре [Ravallion, Lokshin 2000; Зудина 2016]. При этом, однако, исследования, посвящённые мобильности россиян между слоями в стратификационной иерархии, построенной на основе объективно измеряемых немонетарных показателей, насколько известно автору, ранее не проводились⁴.

Подобный взгляд на проблему важен, потому что структуры общества, выявленные с применением монетарных и немонетарных методологий, не совпадают. Ввиду наличия в российском обществе ряда специфических особенностей — региональных, поселенческих, отраслевых, — формирующих неравенства между людьми [Овчарова, Попова, Рудберг 2016], социальные статусы россиян порой оказываются рассогласованными. Человек, занимающий высокую позицию в одной из стратификационных иерархий (например, в профессионально-должностной), может одновременно занимать низкую позицию

² Социальная мобильность — это «любой переход индивида или социального объекта (ценности) <...> из одной социальной позиции в другую» [Сорокин 1992: 373].

³ С ключевыми результатами исследований в области упомянутых проблемных полей можно ознакомиться в работах широкого круга российских ученых; см. работы Ю. В. Арутюнян, Л. А. Беляевой, З. Т. Голенковой, Л. А. Гордона, Г. Г. Дилигенского, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. И. Ильина, Л. Г. Ионина, Т. М. Малевой, В. А. Мансурова, В. В. Радаева, М. Н. Руткевич, В. В. Семёновой, Н. Е. Тихоновой, Ф. Р. Филиппова, М. Ф. Черныша, О. И. Шкаратана, В. А. Ядова. Комплексный многоаспектный анализ социальной мобильности в постсоветский период представлен в следующих работах: [Черныш 2005; Шкаратан, Ястребов 2011; Ястребов 2014; Семёнова, Черныш, Сушко 2019].

⁴ Наиболее близкими по своей сути к указанному направлению являются исследования, в которых анализируются случаи пополнения социальной группы, измеряемой объективными немонетарными показателями, или выбытия из неё (см., например: [Пишняк 2020]), однако в них отражена не социальная мобильность в рамках всей социальной стратификации, а лишь те её случаи, которые позволяют оценить степень воспроизводства социальной группы и (или) класса.

в другой иерархии (например, в доходной). Потому и мобильность между структурными позициями в рамках этих стратификаций отражает различающиеся по своей сути феномены общественной жизни: снижение уровня доходов не всегда сопряжено с ухудшением уровня жизни, и наоборот. По этой причине судить о мобильности исключительно по результатам исследований, в основу которых заложены монетарные и субъективные индикаторы, представляется недостаточным для понимания комплексной картины с социальной мобильностью в стране. Автор предпринял скромную попытку восполнить обозначенный пробел и оценить масштабы и направления мобильности россиян в стратификационной иерархии общества, замеренной объективно фиксируемыми неденежными индикаторами, и выявить социально-демографические и социально-экономические характеристики групп, совершивших тот или иной вид социальной мобильности.

Методология исследования

Поставленная задача требовала от автора научно обоснованной позиции в отношении того, как именно стратифицируется население современной России. С этой целью использовалась методология, разработанная и неоднократно апробированная в рамках научно-исследовательского проекта «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на “коридоре возможностей” развития страны?»⁵. Данная статья фокусируется на вопросах социальной мобильности, и автор не ставит перед собой задачу пролить свет на то, как именно структурировано общество по этому показателю. Сформировать комплексное представление об используемой методике можно, ознакомившись с двумя публикациями: [Аникин 2018; Тихонова 2018]. Однако для того, чтобы сложить представление читателя о том, между какими социальными слоями российского общества фиксируются случаи социальной мобильности, следует коротко пояснить суть использованной методологии.

Данная методология относится к неовеберианской традиции анализа. В её основе — показатель «жизненных шансов» (нем. *Lebenschancen* [Weber 1978]). Феномен жизненных шансов является одним из базовых в концепции М. Вебера и отражает «общие возможности потребления благ, достижения определённой социальной позиции и обретения внутренней удовлетворённости» [Weber 1978: 302]⁶. Исходя из текстов М. Вебера (см.: Weber 1978; 1994), жизненные шансы могут быть значимо большими, чем у большинства членов общества, и значимо меньшими, сигнализирующими об особой уязвимости положения человека. Большой или меньший набор возможностей в их уникальной комбинации приводит некоторых индивидов, если использовать терминологию Вебера, к позитивной или негативной привилегированности на фоне большинства остальных членов общества и тем самым определяет их на более высокую или низкую позицию в стратификации.

Для определения статусной принадлежности россиян в использованную методологию заложены индикаторы, фиксирующие наличие жизненных шансов и рисков в четырёх наиболее значимых для россиян сферах жизни — в экономических условиях жизни индивида, ситуации на работе, в возможностях поддержания и наращивания человеческого капитала, а также потребления⁷ (см. табл. 1).

⁵ Методология разрабатывалась научно-исследовательским коллективом в составе Н. Е. Тихоновой, С. В. Мареевой, Ю. П. Лежниной, В. А. Аникина, А. В. Каравай и автора данной статьи и представлена в ряде публикаций, осуществленных с 2018 г.

⁶ За подобной формулировкой стоят два возможные направления анализа: оценка (1) уже сформированных к моменту исследования жизненных шансов индивида и (2) нынешнего положения индивида исходя из его возможности в будущем занять более низкое или высокое положение в обществе. В данном исследовании мы следуем первому пути.

⁷ Мы не включали в основу методики значимые для веберианской традиции анализа показатели наличия рентоприносящей собственности — бизнеса и (или) человеческого капитала и др., так как это привело бы к смешению в одном инструменте как самих жизненных шансов и (или) рисков, так и их причин; см. подробнее теоретическое и методологическое обоснование используемых критериев: [Аникин 2018; Тихонова 2018].

Таблица 1

Субшкалы и показатели, использованные для построения модели стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам

Показатели шкалы позитивной привилегированности	Показатели шкалы негативной привилегированности
Экономические условия жизни	
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	Наличие множественных или крупных долговых обязательств
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т. п.)
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости
Ситуация на работе	
Наличие ресурса влияния на работе	Неблагоприятные условия занятости
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересная работа и т. п.)	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т. п.)
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (социальный пакет и т. п.)	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более трёх месяцев подряд)
Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала	
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	Недоступность необходимого образования
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т. п.)
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	Отсутствие доступа к ИТ-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа или навыков использования)
Особенности потребления и досуга	
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве более 1,25 медианы по населению в целом)	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в домохозяйстве менее 0,75 медианы по населению в целом)
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нём коммунальных удобств)	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)
Хорошие возможности проведения отпуска (вне дома хотя бы раз в год и т. п.)	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)

Источник: [Тихонова 2018: 55–56].

В использованной методологии все индикаторы рассматриваются как равнозначные, то есть имеют равный вес (1 балл), суммируются с положительным знаком в случае наличия жизненного шанса и со знаком «минус» в случае наличия жизненного риска, и могут нивелировать влияние друг друга в рамках субшкал. Возможный спектр значений совокупного Индекса жизненных шансов и рисков (Индекс ЖШИР), таким образом, варьируется от –12 до +12 баллов.

Исследование фокусируется на обнаружении случаев социальной мобильности, поэтому следует пояснить, каким образом на основе сформированной 25-ступенчатой модели выявлялись массовые социальные страты (социальные страты формируются на основе сходства жизненных шансов и рисков у группы индивидов [Weber 1978: 303; Weber 1994: 123]). Определение границ средней страты осуществлялось путем применения двухэтапного кластерного анализа и методом естественных границ Дженкса с последующим содержательным анализом. Анализ проводился на базах данных двух раз-

личных российских исследований, показал устойчивые результаты и определил верхнюю границу средней страты на уровне 2 баллов включительно, а нижнюю — на уровне –1 балла включительно (см. подробнее о деталях этого этапа анализа: [Тихонова 2018: 58–60]). Результаты предшествующих исследований с применением таких границ показывают, что три указанные группы (верхняя, средняя и нижняя страты) имеют значительные отличия и могут рассматриваться как структурные элементы российского общества⁸. Под социальной мобильностью в рамках данного исследования понимаются не все позитивные и (или) негативные жизненные изменения, а только те из них, которые влекут переход из страты в страту.

Анализ проводится на уровне индивидов, а не домохозяйств. Выбор в дилемме «индивид — домохозяйство» является одним из камней преткновения в области стратификационных исследований, и в научной практике нет (и не может быть) единой позиции по этому поводу [Тихонова 2014: 23–26]. Оба решения влекут ошибку измерения. Задача исследователя заключается в минимизации этой ошибки путем выбора такого подхода, который наилучшим образом позволит зафиксировать исследуемый феномен. В случае с определением жизненных шансов и рисков большую роль играют особенности, которые формируются в процессе осуществления трудовой деятельности и связаны с занимаемой позицией в системе производственных отношений, а также те, которые касаются качества человеческого капитала. Эти характеристики могут отличаться у членов одной семьи. Поэтому мы делаем выбор в пользу индивидов, а не домохозяйства как объекта исследования. В результате в рамках одного домохозяйства порой объединяются индивиды с различным суммарным значением Индекса и даже попадающие в разные страты по ЖШР.

Отдельно поясним в связи с этим ситуацию с неработающими россиянами (в первую очередь — с пенсионерами и молодёжью), для которых не применима субшкала «Ситуация на работе». Положение этих россиян определяется без учёта данной шкалы, так как они не имеют ни шансов, ни рисков в указанной сфере. В данном случае признаки позитивной и негативной привилегированности исключаются из анализа в равном количестве, что не приводит к заведомому повышению или понижению их положения на фоне остальных членов общества.

Для поиска траекторий мобильности использовался метод моделирования групповых различий в траекториях развития (*Group-Based Trajectory Modelling — GBTM*) [Nagin 2005]. Этот метод позволяет выявить наиболее распространённые траектории изменения анализируемого показателя с течением времени, визуализировать их, а затем объединить в группы тех людей, у которых показатель изменяется наиболее схожим с этими трендами образом. Изначально метод разрабатывался для нужд медицинских исследований⁹, однако может быть успешно применён и в рамках социологического исследования (см., например: [Зудина 2016]).

Для применения метода GBTM необходимо наличие данных, фиксирующих характеристику индивида в каждой временной точке. По этой причине мы использовали данные РМЭЗ НИУ ВШЭ¹⁰, позволяю-

⁸ Мы понимаем, что социальное пространство не дискретно и любые границы массовых социальных страт являются в некоторой степени условными. Однако они позволяют отделить массовые группы, различия между которыми более значимы, нежели их внутригрупповые различия. Эту методологическую особенность следует учитывать при интерпретации полученных результатов.

⁹ Например, когда на основе множества историй болезни требуется выяснить, с какой скоростью и как именно меняется температура тела у пациентов (быстро или медленно, с более высоким или низким пиковым значением и т. д.), визуализировать эти тренды, объединить больных в категории по сходству течения заболевания с тем или иным типичным трендом и выявить различия у выявленных групп пациентов (по полу, возрасту, массе тела, наличию/отсутствию хронических заболеваний и проч.).

¹⁰ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ), или The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS–HSE). Проводится Национальным

щие строить панельные выборки. Для построения панельной выборки использовались данные за четыре года исследования — 2013 г. (благоприятное экономическое положение, предкризисный период), 2015 г. («пик» экономического кризиса), 2017 г. (начало постепенного посткризисного восстановления) и 2018 г. (наиболее актуальные данные на момент исследования)¹¹. В рассмотрение были включены все россияне, достигшие совершеннолетия к 2013 г. (то есть статусная принадлежность и мобильность несовершеннолетних исключены из анализа). При этом, однако, уделялось внимание вопросу наличия и числа детей в домохозяйствах (данные о составе семей, доступные в опроснике по домохозяйствам). Построение панельной выборки неминуемо приводит к потере части наблюдений, поэтому важно отметить ограничения данного исследования. Сформированная панельная выборка соответствует¹² репрезентативной по полу и образованию, но теряет часть индивидов в возрасте 18–30 лет из-за наложенного условия о достижении совершеннолетия к 2013 г., отчего в несколько большей степени охватывает пожилые возрасты. Кроме того, выборка несколько смещена в сельские типы поселений и поселки городского типа (ПГТ) и, соответственно, в меньшей степени репрезентирует жителей областных центров. Также стоит отметить стабильное занижение численности верхней страты и увеличение численности нижней в пределах 3 п. п. в панельной выборке по сравнению с репрезентативной. По этой причине приведенные ниже оценки масштабов мобильности и (или) иммобильности в некоторой степени могут недооценивать случаи устойчивого благополучия и мобильности между верхней и средней стратами. Осознавая эти ограничения, мы идём на них ради преимуществ, которые предоставляет панельная выборка, и учитываем их при интерпретации результатов, уделяя большее внимание характеристикам социально мобильных и иммобильных россиян, нежели масштабам мобильности.

Следуя рекомендациям Д. Нагина, на основе панельных данных было определено общее количество траекторий, состоящих из одинаковых по типу полиномиальных функций, проверены возможные спецификации модели с опорой на визуальное отображение трендов и данные Байесовского информационного критерия (Bayesian Information Criterion — *BIC*) [Nagin 2005: 61–77]¹³. Все траектории мобильности представлены на рисунке 1.

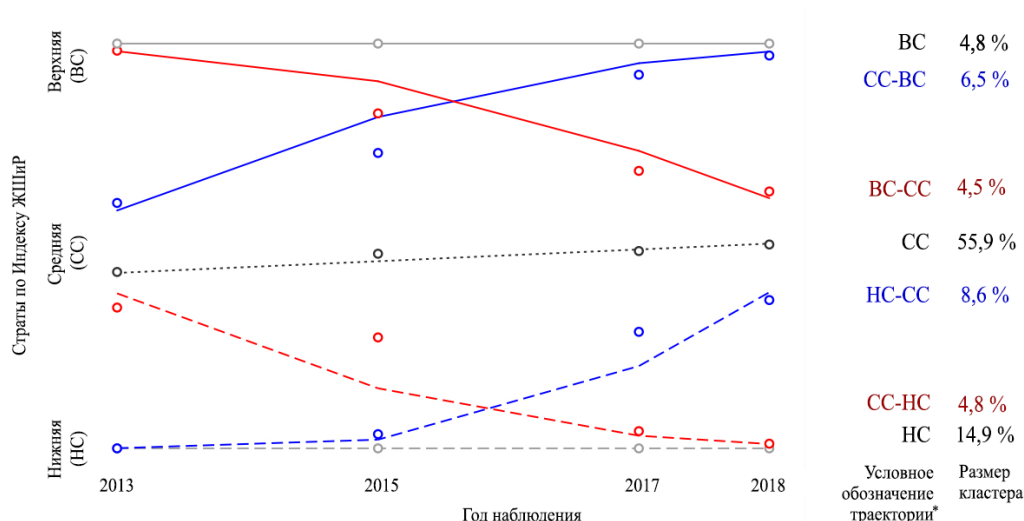
Метод GBTM привлекателен тем, что позволяет увидеть все достаточно массовые траектории изменения показателя. Наряду с плавным ростом и (или) падением показателя, он может обнаружить и различные иные траектории (скачкообразные, \cap -образные, \cup -образные и проч.). Однако в нашем случае подобные траектории не выделялись ввиду их малочисленности или полного отсутствия. Рассмотрим, кто же скрывается за выявленными траекториями.

исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии ФНИСЦ РАН. Сайт обследования: <http://www.hse.ru/rhms>.

¹¹ На момент написания статьи данные РМЭЗ за 2020 г. еще не были доступны. Данные исследования за 2019 г. не использовались ввиду отсутствия в инструментарии этого года одного из показателей, на основе которых строится Индекс ЖШР.

¹² Характеристики (в том числе потери) выборки и численность выделенных страт приведены в приложении, в таблице П.1; сопоставление панельной и репрезентативной выборок по ключевым социально-демографическим характеристикам представлено в таблице П.2. Взвешивание выборки не производилось.

¹³ Этапы моделирования и характеристики качества модели см. в таблице П.3.

Примечание: Размеры кластеров отражают численность россиян, изменения в жизни у которых происходили максимально схожим образом, хотя могли и не соответствовать указанной траектории в точности.

Рис. 1. Траектории мобильности россиян между стратами по Индексу жизненных шансов и рисков (ЖШИР), 2013–2018 гг.

Социальная мобильность и иммобильность в России: основные результаты

За рассматриваемый промежуток времени положение россиян в координатах жизненных шансов и рисков чуть улучшилось. Хотя нижняя страта сократилась примерно на треть (с 33,2* до 23,8%*)¹⁴ и немного увеличилась верхняя страта (с 16,8* до 19,2%*), но сам по себе стандарт жизни, с которым производится сопоставление, при этом практически не изменился и медианное значение Индекса ЖШИР сохранилось на уровне значения 0 баллов, а среднее приросло, увеличившись с - 0,17* до + 0,32*.

Применение метода GBTM показывает, что примерно 15% россиян совершили восходящую социальную мобильность, а 9% россиян — нисходящую; при этом подавляющее большинство россиян (практически три четверти) оставались в своей страте, то есть были иммобильны (см. рис. 1).

Социально иммобильные слои населения являются типичными представителями трёх разных миров, в которых сегодня живут россияне. На наш взгляд, ключевое различие кроется в качестве человеческого потенциала их представителей, возможностях его накопления, прежде всего — в образовании родителей (см. табл. 2). Более широкий перечень социально-демографических и социально-экономических характеристик представлен в приложении (см. табл. П.4).

¹⁴ Здесь и далее показатели, отмеченные астериском (*), приводятся по данным репрезентативных выборок; иные — по данным панельной выборки.

Таблица 2

Здоровье и образование социально иммобильных россиян, 2018 г.

Образование и здоровье	Устойчивость пребывания в стране (в %)		
	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Уровень образования			
Неполное среднее	44,7	7,8	1,0
Среднее	33,1	33,8	9,1
Среднее специальное	17,5	30,6	14,1
Высшее	4,7	27,9	75,8
Субъективная оценка здоровья			
Хорошее	12,2	28,1	37,6
Нормальное	48,4	55,6	60,3
Плохое	39,3	16,3	2,0
Образование родителей			
Оба родителя получили высшее образование	1,5	5,4	26,9
Оба родителя получили школьное образование или не окончили школу	67,5	40,8	12,2
Иные комбинации образовательного уровня родителей	31,0	53,8	60,9

Примечание: Данные об образовании и здоровье в разбивке по возрастам (трудоспособный или пенсионный) представлены в приложении (см. табл. П.4).

Как видно из таблицы 2, иммобильная часть верхней страты отличается наибольшей концентрацией россиян с высокими показателями человеческого потенциала¹⁵, то есть обладателей высокого уровня образования, хорошего здоровья, а также тех, кто происходит из семей, в которых оба родителя получили высшее образование. Состав иммобильной части нижней страты кардинально противоположный: в нём преобладают россияне, родители которых в двух третях случаев не имеют образования выше оконченного школьного, а сами такие индивиды обладают чрезвычайно низким образованием и имеют значительные проблемы со здоровьем (как в молодости, так и в старости). Средняя страта по указанным показателям оказывается ближе к нижней, чем к верхней: при сравнительно неплохом здоровье её представителей в ней практически отсутствуют дети высокообразованных родителей, а уровень образования смещён в сторону плохих показателей. Различия в качестве культурного капитала, перенятого от родителей, и принятых в детстве и юношестве решениях, касающихся инвестиций в человеческий капитал, отражаются на многих других особенностях представителей этих страт.

Ввиду высокого качества человеческого потенциала иммобильные представители верхней страты имеют возможность претендовать на хорошие рабочие места, долгосрочные трудовые контракты, заниматься умственным трудом. Практически каждый второй работающий ее представитель либо руководитель, либо специалист высшей квалификации (см. табл. П.4). Эти россияне чрезвычайно активны на рынке труда (в том числе и пенсионеры, так как характер труда позволяет им продолжать работать и после достижения пенсионного возраста) и значительно чаще остальных склонны заботиться о своём здоровье (заниматься в свободное время спортом, правильно питаться и проч.). В подавляющем большинстве случаев (в четырёх из пяти) это горожане, зачастую — жители крупных городов, то есть типов

¹⁵ Понятие «человеческий потенциал» более широкое, нежели «человеческий капитал», основу которого заложили такие учёные как А. Сен, М. Блауг, П. Бурдьё, Дж. Коулман, С. Фишер, С. Кузнец и др. Человеческий потенциал подразумевает более широкий спектр особенностей человека, ожидаемых от него как от работника и влияющих на эффективность его труда в обществах, находящихся на постиндустриальной стадии развития.

поселений, предоставляющих более широкий спектр жизненных возможностей, в том числе и по накоплению человеческого капитала.

Социально иммобильные представители нижней страты делятся на две макрокатегории — на лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, и пенсионеров по старости, подавляющая часть которых не работает. Не считая состояния здоровья (а оно у пенсионеров из этой страты значительно хуже, чем у более молодых представителей страты), по включённым в таблицу 2 характеристикам эти две возрастные подгруппы практически не отличаются друг от друга. Ввиду низкого качества их человеческого потенциала молодые представители этой страты вынуждены заниматься тяжёлым физическим трудом и соглашаться на ущемление своих трудовых прав, в том числе на трудоустройство без официального оформления (см. табл. П.4). Низкое качество рабочих мест отражается на непостоянстве занятости и повышенных рисках безработицы. Тяжёлый физический труд, расходуя ресурсы организма, приводит к существенным проблемам со здоровьем к старости. Результатом становится то, что после выхода на пенсию эти россияне оказываются множественно депривированы.

Устойчиво пребывает в средней страте примерно половина совершеннолетних россиян. Портрет группы достаточно гетерогенный, он во многом представляет собой усреднённый срез российского общества, охватывающий все типы поселений, все возрастные когорты, все профессиональные категории. Относительное благополучие формируется здесь за счет занятия нормальных рабочих мест, где реже нарушаются трудовые права работников.

Социально мобильные россияне — это те из представителей страт, кому удалось перебраться в соседнюю страту. Случаи головокружительного успеха или падения (переходы между полярными стратами) если и встречаются, то являются исключениями из правил и не обнаруживаются путем применения метода GBTM. Этот результат можно трактовать двояко. С одной стороны, он свидетельствует о работе социальных институтов и иных факторов, поддерживающих сформировавшуюся структуру и страхующих россиян от чрезвычайного ухудшения жизни. С другой стороны, он означает и то, что россиянам из нижней страты особенно не приходится надеяться на стремительный прорыв в среднесрочной перспективе.

Обширный портрет всех групп мобильности в сравнении с иммобильными группами, представленный в таблице П.4, позволяет сделать вывод, что мобильные россияне, во-первых, характеризуются усреднённым портретом двух соседствующих страт, между которыми происходила их мобильность, а во-вторых, возможность мобильности в обоих направлениях доступна всем категориям россиян. На восходящую мобильность имеют шансы наиболее успешные представители страт, а на нисходящую — наименее успешные. При этом, однако, фиксируются три значимые закономерности.

Первая закономерность касается россиян, совершивших восходящую мобильность из средней страты в верхнюю. Именно у них мы наблюдаем мультипликативный эффект от взаимного наложения характеристик, приведённых в таблице 2. Для проверки предположения об их влиянии на мобильность в целом мы выделили категории россиян, которые отличаются степенью концентрации «хороших» или «плохих» признаков этих характеристик. К числу «хороших» признаков мы отнесли следующие: (1) наличие высшего образования у индивида; (2) наличие высшего образования у обоих родителей индивида; (3) хорошее здоровье индивида (по субъективной самооценке). К числу «плохих» признаков соответственно были отнесены противоположные показатели: (1) наличие образования не выше полного среднего у индивида, (2) наличие образования не выше полного среднего у обоих родителей индивида; (3) плохое здоровье индивида (по субъективной самооценке). Взаимное наложение «хороших» признаков встречается нечасто: все три признака одновременно присутствуют лишь у 2,0% россиян; два — у 11,4%; хотя бы один — у 32,1%. Наличие хотя бы двух из трёх «хороших» признаков

значительно повышает не только шансы на устойчивое благополучие, но и на восходящую социальную мобильность (более чем двукратно; см. табл. 3). Мы приходим к выводу, что для этой сравнительно небольшой части населения работают композитные ренты, то есть возникающие в том случае, когда одновременное присутствие у человека нескольких различных активов приносит ему большую отдачу, чем сумма отдач от каждого из них в отдельности [Sorensen 2000]. Причём эффект от композитных рент в старости выражен сильнее, чем в молодости. Взаимное наложение «плохих» признаков слабо влияет на вероятность опуститься в нижнюю страту. Это может быть объяснимо тем, что практически три четверти всего населения страны (71,5%) имеют хотя бы один признак плохого человеческого потенциала из вышеперечисленных, то есть это своего рода «норма», а не отклонение от неё.

Таблица 3

Вероятность мобильности и иммобильности в зависимости от наличия «хороших» и «плохих» признаков человеческого потенциала, 2018 г. (%)*

Характер мобильности**	Наличие «плохих» признаков				Наличие «хороших» признаков				В среднем по стране
	нет	один	два	три	нет	один	два	три	
Среди лиц трудоспособного возраста									
Иммобильность: нижняя страта	2,2	11,5	19,7	52,3	16,7	6,6	0,8	0,0	9,4
Мобильность: из средней в нижнюю страту	1,9	4,1	7,4	6,8	6,1	3,1	1,0	0,0	3,8
Мобильность: из нижней в среднюю страту	4,0	10,7	13,7	9,1	10,2	9,0	2,6	1,0	8,2
Иммобильность: средняя страта	57,8	60,6	52,4	31,8	56,7	60,8	53,8	37,8	57,3
Мобильность: из верхней в среднюю страту	9,1	4,1	3,1	0,0	4,1	5,9	10,8	11,2	6,2
Мобильность: из средней в верхнюю страту	13,0	5,4	2,8	0,0	4,5	8,4	14,6	21,4	8,3
Иммобильность: верхняя страта	12,0	3,5	0,8	0,0	1,7	6,2	16,4	28,6	6,8
Среди лиц пенсионного возраста									
Иммобильность: нижняя страта	3,8	12,8	24,4	45,3	24,5	5,2	1,1	—	19,4
Мобильность: из средней в нижнюю страту	3,6	5,9	6,6	7,2	25,0	7,3	2,7	—	5,8
Мобильность: из нижней в среднюю страту	4,0	7,8	11,7	12,2	6,3	4,8	4,5	—	9,0
Иммобильность: средняя страта	61,7	63,5	53,7	34,1	10,4	6,2	2,7	—	55,7
Мобильность: из верхней в среднюю страту	8,2	3,2	1,1	0,0	53,2	62,5	56,3	—	3,0
Мобильность: из средней в верхнюю страту	8,2	5,5	1,9	1,3	1,9	4,5	11,6	—	4,2
Иммобильность: верхняя страта	10,5	1,4	0,6	0,0	2,3	8,5	8,9	—	2,8

Примечания

* Данные по пенсионерам, обладающим всеми тремя «хорошими» признаками, отсутствуют ввиду малой численности подгруппы (менее 30 человек).

** Красным выделены траектории с восходящей мобильностью; синим — с нисходящей. Чёрный цвет обозначает стабильность принадлежности к страте.

Вторая закономерность касается мобильности между средней и нижней стратами. Яркой чертой россиян, совершивших такую нисходящую мобильность, выступает занятие рабочих мест с признаками прекарности. Обратимся вновь к данным таблицы П.4. Среди работников трудоспособного возраста,

спустившихся в нижнюю страту, не оформлен трудовой договор согласно Трудовому кодексу (ТК) РФ у каждого пятого работника трудоспособного возраста (19,4%). Это вчетверо больше, чем в средней страте (5,3%) и вдвое больше, чем среди совершивших восходящую мобильность из нижней в среднюю страту (9,4%). Распространены также серые зарплаты, которые получают 37,0% совершивших нисходящую мобильность (среди иммобильных представителей нижней страты — 34,5%). В средней страте это значимо более редкое явление, как и среди тех, кто смог покинуть нижнюю страту (примерно 17% среди обеих категорий). Таким образом, неофициальное оформление повышает риски нисходящей мобильности в нижнюю страту втрое по сравнению со средними по стране (9,7 против 3,2%). Для мобильности между верхней и средней стратами эта особенность оказывается практически незначимой, так как на долю этих россиян приходится менее 10% от общего числа неофициально трудоустроенных работников.

Третья закономерность связана с интегрированностью в информационную среду. Это сравнительно новое для российского общества основание социального неравенства, дифференцирующее шансы людей на благополучие. Информационные технологии и Интернет становятся неотъемлемой частью жизни в модернизированном обществе: получение многих услуг и решение задач (ведение документооборота, справочная информация, медицинские услуги и многое другое) опосредованы Интернетом. Представители «трёх миров» значительно отличаются по степени интеграции в информационные технологии (см. табл. 4).

Таблица 4

Использование информационных технологий в социально мобильных и иммобильных слоях населения, 2018 г.

Характер использования информационных технологий	Иммобильность: нижняя страта	Траектории мобильности (в %)					Иммобильность: верхняя страта
		Мобильность из средней в нижнюю страту	Мобильность из нижней в среднюю страту	Иммобильность: средняя страта	Мобильность из верхней в среднюю страту	Мобильность из средней в верхнюю страту	
По целям использования							
Развлечение	9,2	19,9	28,4	48,1	73,1	78,2	80,8
Коммуникации	9,0	23,9	32,8	53,4	75,9	85,2	89,9
Чтение новостей	8,6	23,6	34,5	55,7	84,2	89,2	95,6
Расширение кругозора	7,7	23,3	32,4	52,9	82,4	88,5	93,3
Общение в социальных сетях	7,5	17,6	28,2	46,1	62,4	68,7	79,1
Одноклассники	6,5	13,9	25,2	37,2	45,5	51,1	54,9
Вконтакте	4,0	10,8	14,8	27,7	44,8	45,1	58,2
Фейсбук	0,5	1,0	1,5	5,5	11,1	12,0	25,3
Работа	2,4	7,8	11,2	27,9	55,2	61,4	72,1
Учёба	0,5	2,4	2,7	6,1	11,8	16,8	16,8
Приобретение товаров и (или) услуг	1,3	5,4	12,9	24,7	48,7	58,6	65,6
Получение справочной информации	7,1	22,3	33,3	52,8	81,0	88,5	95,3
Справочно: использование Интернета и (или) компьютера для любых целей							
Использовали компьютер	10,6	27,4	33,9	59,0	87,8	92,0	94,3
Использовали Интернет	13,8	31,8	40,9	64,3	91,4	94,7	98,3

Примечание: Красным выделены траектории с восходящей мобильностью; синим — с нисходящей. Чёрный цвет обозначает стабильность принадлежности к страте.

Верхняя страта объединяет россиян, способных быстро адаптироваться к меняющемуся внешнему миру и пользоваться результатами научно-технического прогресса. В ней 8 из 10 представителей имеют необходимую технику для использования Интернета дома, практически все члены группы его используют. В средней страте техника есть лишь у 4 из 10 представителей, а Интернет используют лишь 6 из 10 человек. Устойчиво пребывающие в нижней страте — это абсолютно не интегрированная в информационные технологии часть общества; это мир, не знакомый с современными технологиями, не использующий их и не способный даже при наличии техники быстро освоить его (обладает техникой и использует её для выхода в Интернет лишь 1 человек из 10). Даже спустившиеся в нижнюю страту россияне более интегрированы в интернет-технологии, чем имобильные её представители. Россияне, курсирующие между верхней и средней стратами, демонстрируют высокую включённость в интернет-технологии, хотя они более уязвимы, чем имобильные представители верхней страты, в том числе — ввиду меньшей обеспеченности необходимой техникой. Кроме того, россияне из трёх разных страт по-разному используют доступные им возможности в интернет-пространстве. Представители верхней страты чаще применяют этот навык для решения ряда задач, таких как: поиск справочной информации, приобретение товаров и услуг, работа и обучение. Таким образом, информационное неравенство становится одним из значимых оснований, дифференцирующих шансы на устойчивое благополучие и социальную мобильность в современной России.

Заключение

Проведенный анализ показал, что социальная мобильность на указанном временном интервале охватывала около четверти населения России. Изменения в жизни россиян чаще незначительны, у многих носят плавающий характер. Как показало исследование, положение россиян в структуре общества сильнее всего дифференцируется у россиян с различным качеством человеческого потенциала, который является стартовой точкой для жизненной траектории и жизненных возможностей. Обладание человеческим потенциалом высокого качества повышает шансы на занятие качественных рабочих мест (что, в свою очередь, формирует стабильность в жизни, навык её планирования, сохраняет здоровье) и на достойную старость. Отсутствие качественного человеческого потенциала приводит к необходимости соглашаться с занятостью на плохих рабочих местах, которые генерируют негативную стабильность, невозможность какого-либо планирования, а труд на таких местах приводит к старости, отягощенной бедностью и множественными проблемами со здоровьем. Всё это дополняется информационным неравенством, играющим в современном обществе всё большую роль.

При оценке качества человеческого потенциала очень важна роль в его формировании социального воспроизводства. Именно первичная социализация в образованных семьях повышает шансы не только на получение высшего образования и хорошее здоровье, но и на устойчивое благополучие в целом. Именно сочетание трёх этих характеристик обеспечивает в современной России композитные ренты, обеспечивающие устойчивое пребывание в верхней страте и повышающие шансы на восходящую социальную мобильность.

Приложение

Таблица П.1

Основные характеристики выборки

Характеристики	2013 г.		2015 г.		2017 г.		2018 г.	
	Репрезентативная	Панельная	Репрезентативная	Панельная	Репрезентативная	Панельная	Репрезентативная	Панельная
Объём выборки (количество человек)	13 111	6169	10 209	6169	10 016	6169	9835	6169
Потеря выборки (в %)	52,9		39,6		38,4		37,3	
Дополнительно: структура российского общества по Индексу жизненных шансов и рисков (в %)								
Верхняя страта	16,8	14,7	16,1	15,5	18,8	16,3	19,2	17,2
Средняя страта	50,0	50,1	52,8	52,9	55,4	55,3	57,0	56,3
Нижняя страта	33,2	35,2	31,1	31,5	25,8	28,4	23,8	26,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица П.2

Основные социально-демографические характеристики панельной выборки в сравнении с репрезентативной, 2018 г. (%)

Характеристики	Репрезентативная выборка	Панельная выборка
Пол:		
мужской	41,4	39,5
женский	58,6	60,5
Возраст (полных лет):		
18–30	17,1	8,8
31–40	17,7	16,2
41–50	16,9	18,2
51–60	17,5	20,0
старше 60	30,8	36,8
Образование:		
неполное среднее	14,2	14,1
среднее	30,8	31,9
среднее специальное	27,4	26,5
высшее	27,6	27,5
Тип поселения:		
областные центры	41,0	36,0
иные города	26,1	24,8
сёла и посёлки городского типа (ПГТ)	32,9	39,2

Таблица П.3

Показатели качества моделей (этапы поиска наилучшей спецификации)

Число траекторий	Спецификация модели	(BIC) ($N = 6169$)		Справочно	
			ICL-BIC ($N = 24676$)	AIC	LL
Шаг 1. Поиск оптимального числа траекторий					
Одна	Квадратичная зависимость	- 32 251,34	- 32 254,11	- 32 237,89	- 32 233,89
Две	Обе функции — квадратичные	- 28 102,93 ↑ *	- 28 108,47 ↑	- 28 076,02 ↑	- 28 068,02 ↑
Три	Все функции — квадратичные	- 26 347,07 ↑	- 26 355,38 ↑	- 26 306,70 ↑	- 26 294,70 ↑
Четыре	Все функции — квадратичные	- 25 998,19 ↑	- 26 009,28 ↑	- 25 944,37 ↑	- 25 928,37 ↑
Пять	Все функции — квадратичные	- 25 845,36 ↑	- 25 859,22 ↑	- 25 778,09 ↑	- 25 758,09 ↑
Шесть	Все функции — квадратичные	- 25 381,60 ↑	- 25 398,24 ↑	- 25 300,88 ↑	- 25 276,88 ↑
Семь**	Все функции — квадратичные	- 25 181,20 ↑	- 25 200,61 ↑	- 25 087,02 ↑	- 25 059,02 ↑
Восемь	Все функции — квадратичные	- 26 394,59 ↓	- 26 416,77 ↓	- 26 286,95 ↓	- 26 254,95 ↓
Шаг 2. Поиск оптимальной спецификации					
Семь***	Все функции — линейные	- 25 070,31 ↑	- 25 084,87 ↑	- 24 999,67 ↑	- 24 978,67 ↑
Семь	Все функции — кубические	- 26 288,98 ↓	- 26 313,24 ↓	- 26 171,25 ↓	- 26 136,25 ↓
Семь	Три функции — линейные, остальные — квадратичные	- 25 087,78 ↑	- 25 105,11 ↑	- 25 003,69 ↑	- 24 978,69 ↑

Примечания

* Стрелками ↑ и ↓ обозначены улучшение и ухудшение объяснительной силы модели.

** Полу жирным шрифтом выделен результат первого этапа моделирования — поиска числа траекторий (Шаг 1).

*** Серым фоном выделена наилучшая спецификация (комбинация линейных, квадратичных и кубических функций в отобранном на шаге 1 числе траекторий; Шаг 2).

Таблица П.4

Социально-демографические и социально-экономические характеристики групп социально мобильных и иммобильных россиян, 2018 г.*

Характеристики	Иммобильность: нижняя страта	Траектории мобильности (в %)				Иммобильность: верхняя страта
		Мобильность из средней в нижнюю страту	Мобильность из нижней в среднюю страту	Иммобильность: средняя страта	Мобильность из верхней в среднюю страту	
Пол:						
мужской	38,3	37,5	42,8	39,7	38,7	40,1
женский	61,7	62,5	57,2	60,3	61,3	59,9
Возраст (полных лет):						
22–30	3,6	8,1	8,0	10,3	7,9	9,1
31–40	9,5	10,1	15,7	15,4	23,3	29,0
41–50	12,3	16,9	15,5	18,6	27,2	24,6
51–60	16,8	17,9	19,5	21,1	22,9	19,9
Старше 60	57,8	47,0	41,3	34,7	18,6	17,5
Тип поселения:						
областные центры и мегаполисы	22,9	39,9	23,3	37,4	52,7	58,2
иные города	21,8	20,6	24,8	25,7	28,3	24,9
посёлки городского типа (ПГТ)	6,3	5,7	10,0	8,6	4,7	4,0
сёла	49,0	33,8	41,9	28,3	14,3	12,8

Таблица П.4. Продолжение

Характеристики	Иммобильность: нижняя страта	Траектории мобильности (в %)				Иммобильность: верхняя страта	
		Мобильность из средней в нижнюю страту	Мобильность из нижней в среднюю страту	Иммобильность: средняя страта	Мобильность из верхней в среднюю страту		
Здоровье (субъективная оценка)							
Хорошее:							
трудоспособный возраст	28,4	24,8	46,6	43,6	45,2	47,1	46,4
пенсионный возраст	3,2	9,3	7,4	8,5	16,0	12,8	4,0
Нормальное:							
трудоспособный возраст	55,5	63,2	45,9	50,9	49,7	51,1	52,3
пенсионный возраст	44,5	48,8	54,7	61,5	69,1	66,7	84,0
Плохое:							
трудоспособный возраст	16,2	12,0	7,5	5,5	5,1	1,8	1,4
пенсионный возраст	52,3	42,0	37,9	29,9	14,8	20,5	4,0
Образование							
Неполное среднее							
трудоспособный возраст	44,7	21,3	22,0	7,8	1,4	1,5	1,0
пенсионный возраст	49,1	22,1	29,8	8,6	0,0	0,0	0,0
Полное среднее							
трудоспособный возраст	33,1	42,6	42,4	33,8	17,6	18,3	9,1
пенсионный возраст	24,3	34,4	33,7	32,3	13,4	19,5	8,0
Среднее специальное							
трудоспособный возраст	17,5	22,3	25,4	30,6	29,0	23,6	14,1
пенсионный возраст	20,2	28,2	24,8	32,9	34,1	28,8	18,7
Высшее							
трудоспособный возраст	4,7	13,9	10,2	27,9	52,0	56,6	75,8
пенсионный возраст	6,4	15,3	11,6	26,2	52,4	51,7	73,3
Образование родителей:							
высшее (у обоих)							
трудоспособный возраст	1,5	2,4	1,8	5,4	14,0	16,3	26,9
полное школьное или ниже (у обоих)							
трудоспособный возраст	67,5	54,2	56,5	40,8	20,6	22,6	12,2
иные комбинации							
трудоспособный возраст	31,0	43,8	41,7	53,8	65,4	64,1	60,9
Трудовая активность							
Работают:							
трудоспособный возраст	48,6	58,6	61,1	74,3	76,6	90,0	89,6
пенсионный возраст	6,2	15,3	10,9	20,1	34,1	39,8	49,3
Стабильность занятости							
Работал не менее 4-х лет из 6-ти**:							
трудоспособный возраст	48,6	57,1	60,0	71,9	85,3	82,2	86,9
Неофициальное трудоустройство							
Трудоустроены неофициально:							
трудоспособный возраст	23,7	19,4	9,4	5,3	4,4	2,1	1,6
пенсионный возраст	14,7	33,3*	0,0*	7,6	7,1*	0,0	0,0
Профессия по ISCO-08***							
Руководители:							
все возрасты	0,0	0,0	0,0	4,9	10,6	9,5	17,3
пенсионный возраст	2,6	4,4	1,8	7,3	12,2	9,0	16,2

Таблица П.4. Окончание

Характеристики	Траектории мобильности (в %)						Имобильность: верхняя страта
	Имобильность: нижняя страта	Мобильность из средней в нижнюю страту	Мобильность из нижней в среднюю страту	Имобильность: средняя страта	Мобильность из верхней в среднюю страту	Мобильность из средней в верхнюю страту	
Профессионалы:							
все возрасты	2,5	10,3	4,2	16,4	17,2	27,7	31,5
пенсионный возраст	6,2	16,1	11,2	19,9	26,5	31,3	40,5
Полупрофессионалы и клерки:							
все возрасты	10,0	15,4	16,4	25,7	37,1	33,2	31,5
пенсионный возраст	14,8	19,0	16,5	22,7	32,6	31,3	27,0
Работники сервиса и продаж:							
все возрасты	20,0	14,1	13,9	18,3	9,9	12,3	9,1
пенсионный возраст	24,7	15,3	18,3	16,8	2,0	7,5	2,7
Рабочие:							
все возрасты	67,5	60,3	65,5	34,7	25,2	17,4	10,7
пенсионный возраст	51,7	45,2	52,7	33,3	26,7	20,9	13,6
Причины незанятости							
Временная незанятость, поиск работы	11,8	27,3	6,7	9,3	10,9	7,1	13,0
Временная незанятость, отказ от поиска работы	43,8	25,5	39,0	31,2	17,4	21,4	13,0
Инвалидность или достижение пенсионного возраста	27,8	20,0	18,1	19,2	15,2	7,1	13,0
Отпуск по уходу за ребёнком или декретный отпуск	14,8	21,8	22,9	26,3	37,0	50,1	56,4
Иная причина	1,8	5,4	13,3	14,0	19,5	14,3	4,6
Наличие детей в домохозяйстве индивида							
Есть дети	14,5	26,7	31,6	36,7	44,4	54,9	48,8
Уровень доходов в отношении к региональной медиане среднедушевых доходов							
Менее 0,75 медианы	34,9	31,0	29	20,7	18,3	9,7	8,1
От 0,75 до 2,00 медиан	63,3	66,9	66,3	72,3	72,9	78	66,2
Более 2,00 медиан	1,8	2,1	4,7	6,92	8,81	12,3	25,7
Дополнительно							
Ощущение счастья							
Счастлив	21,3	26,0	41,8	46,3	53,4	58,4	63,9
И да, и нет	41,5	45,3	40,4	39,7	39,4	36,3	32
Несчастлив	37,2	28,8	17,8	14,0	7,2	5,3	4,1
Разнообразие форм физической активности (посещение спортивных секций, бег и проч.)							
Ничем не занимается	92,1	88,2	88,6	79,8	68,5	68,9	49,5
Практикует одну форму активности	7,2	9,5	9,7	15,7	20,1	21,1	23,9
Практикует более одной формы активности	0,8	2,4	1,7	4,5	11,5	10,0	26,6

Примечания

* Красным выделены траектории с восходящей мобильностью; синим — с нисходящей. Черный цвет обозначает стабильность принадлежности к страте.

** Построено на основе вопроса о наличии постоянной работы в момент опроса по данным 6 волн исследования.

*** Данные по неработающим пенсионерам приводятся на основе информации о последнем месте работы.

Литература

- Аникин В. А. 2018. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 4 (146): 39–67.
- Зудина А. А. 2016. Что скрывается за «средними» самооценками? Анализ траекторий социального самочувствия россиян в 2000–2014 гг. Препринт. Высшая школа экономики. *Серия WP3: Проблемы рынка труда*. 5.
- Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. 2016. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 3 (31): 170–186.
- Пишняк А. И. 2020. Динамика численности и мобильность среднего класса в России в 2000–2017 гг. *Мир России*. 29 (4): 57–84.
- Семёнова В. В., Черныш М. Ф., Сушко П. Е. (ред). 2019. *Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Сорокин П. А. 1992. Социальная стратификация и мобильность. В кн.: Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат; 295–424.
- Тихонова Н. Е. 2014. *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф; ИС РАН.
- Тихонова Н. Е. 2018. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества. *Социологические исследования*. 6: 53–65.
- Черныш М. Ф. 2005. *Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе*. М.: Гардарики.
- Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2011. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России. *Общественные науки и современность*. 2: 5–28.
- Ястребов Г. А. 2014. Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа). *Экономическая социология*. 15 (2): 127–134. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/03/31/1317148973/ecsoc_t15_n2.pdf
- Bogomolova T., Tapilina V. 1999. Income Mobility in Russia in the Mid-1990s. *EERC Working Paper Series*. 99/11. Moscow: Economic Education and Research Consortium.
- Dang H. H. et al. 2019. Welfare Dynamics and Inequality in the Russian Federation During 1994–2015. *European Journal of Development Research*. 32 (4): 1–35.
- Goldthorpe J., Jackson M. 2007. Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain: Political Concerns and Empirical Findings. *The British Journal of Sociology*. 58 (4): 525–546.
- Jovanovic B. 2001. Russian Roller Coaster: Expenditure Inequality and Instability in Russia, 1994–1998. *Review of Income and Wealth*. 47 (2): 251–271.

- Lukiyanova A., Oshchepkov A. 2012. Income Mobility in Russia (2000–2005). *Economic Systems*. 36 (1): 46–64.
- Mareeva S., Slobodenyuk E. 2020. A Society of Unstable Wellbeing: Income Mobility and Immobility in Russia. *HSE Working Papers Series: Sociology*. WP BRP 94/SOC/2020.
- Nagin D. S. 2005. *Group-Based Modeling of Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ravallion M., Lokshin M. 2000. Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*. 76 (1): 87–104.
- Sorensen A. B. 2000. Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*, 105 (6): 1523–1558.
- Weber M. 1978. *Economy and Society* (eds. G. Roth, C. Wittich). Berkeley: University of California Press.
- Weber M. 1994. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (eds. D. B. Grusky, I. M. Wallerstein). Boulder, CO: Westview Press.

Ekaterina Slobodenyuk

Social Mobility of Russians in Terms of Life Chances and Risks

SLOBODENYUK,

Ekaterina — Candidate of Sciences in sociology, Senior Research Fellow, Center for Stratification Studies at The Institute for Social Policy, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation. Senior Research Fellow at Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: 24/35 Krzhizhanovskogo str., room 5, 117218, Moscow, Russian Federation.

Email: eslobodenyuk@hse.ru

Abstract

This paper focuses on the issues of social mobility and immobility of Russians in the neo-Weberian stratification hierarchy of Russian society, based on indicators of life chances. Social mobility is interpreted as a transition between three mass strata. Trajectories of mobility (rates and factors) are analyzed using the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) panel data of a six-year interval from 2013 to 2018 and the group-based trajectory modeling (GBTM) method. It is shown that a quarter of Russians moved between strata. Mobility usually occurs over a short distance. Cases of significant life changes that would lead to transition between polar strata (low and high) are exceptions to the rule. The chances of getting into polar strata depend on the quality of human potential and, as a result, on individuals' places in the system of industrial relations. Only highly qualified Russians with good health, who also originate from highly educated families, have high chances of getting into positively privileged (high) strata. For these Russians, composite rents work. Risks of moving down to low strata are present for Russians with low education, bad health and parents with low education, mainly due to employment in bad job positions that violate employees' rights. The paper shows that social background continues to play a significant role in shaping chances of social wellbeing and mobility. It also draws attention to the fact that skills in use of information technology form a new basis for inequality between people.

employees' rights. The paper shows that social background continues to play a significant role in shaping chances of social wellbeing and mobility. It also draws attention to the fact that skills in use of information technology form a new basis for inequality between people.

Keywords: social mobility; immobility; social stratification; life chances; social risks; social well-being.

Acknowledgements

The study is funded by Russian Science Foundation (project No 17-78-20125-II).

References

- Anikin V. A. (2018) Sotsial'naya stratifikatsiya po zhiznennym shansam: popytka operatsionalizatsii dlya massovykh oprosov [Social Stratification Based on Life Chances: Operationalization for Mass Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 4 (146), pp. 39–67 (in Russian).
- Bogomolova T., Tapilina V. (1999) *Income Mobility in Russia in the Mid-1990s. EERC Working Paper Series*, no 99/11, Moscow: Economic Education and Research Consortium.
- Chernysh M. F. (2005) *Sotsial'nye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchetsya obshchestve* [Social Institutes and Mobility Concept in Changing Societies], Moscow: Gardariki (in Russian).

- Dang H. H., Lokshin M. M., Abanokova K., Bussolo M. (2019) Welfare Dynamics and Inequality in the Russian Federation During 1994–2015. *European Journal of Development Research*, vol. 32, no 4, pp. 1–35.
- Goldthorpe J., Jackson M. (2007) Intergenerational Class Mobility in Contemporary Britain: Political Concerns and Empirical Findings. *The British Journal of Sociology*, vol. 58, no 4, pp. 525–546.
- Jovanovic B. (2001) Russian Roller Coaster: Expenditure Inequality and Instability in Russia, 1994–98. *Review of Income and Wealth*, vol. 47, no 2, pp. 251–271.
- Lukiyanova A., Oshchepkov A. (2012) Income Mobility in Russia (2000–2005). *Economic Systems*, vol. 36, no 1, pp. 46–64.
- Mareeva S., Slobodenyuk E. (2020) A Society of Unstable Wellbeing: Income Mobility and Immobility in Russia. *HSE Working Papers Series: Sociology*, no WP BRP 94/SOC/2020.
- Nagin D. S. (2005) *Group-Based Modeling of Development*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. (2016) Dekompozitsiya faktorov neravenstva dokhodov v sovremennoy Rossii [Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia]. *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii*, no 3 (31), pp. 170–186 (in Russian).
- Pishnyak A. (2020) Dinamika chislennosti i mobil'nost' srednego klassa v Rossii v 2000–2017 gg. [The Population Dynamics and Mobility of the Middle Class in Russia, 2000–2017]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 57–84 (in Russian).
- Ravallion M., Lokshin M. (2000) Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*, vol. 76, no 1, pp. 87–104.
- Semenova V. V., Chernysh M. F., Sushko P. E. (eds) (2019) *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchetsya obshchestve: ob'ektivnye i sub'ektivnye aspekty* [Social Mobility in a Society of Growing Complexity: Objective and Subjective Aspects], Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. (2011) Sravnitel'nyy analiz protsessov sotsial'noy mobil'nosti v SSSR i sovremennoy Rossii [The Comparative Analysis of Processes of Social Mobility in the USSR and Modern Russia]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 5–28 (in Russian).
- Sorokin P. A. (1992) Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost' [Social Stratification and Mobility]. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Moscow: Politizdat, pp. 295–424 (in Russian).
- Sorensen A. B. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1523–1558.
- Tikhonova N. E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social Structure of Russia: theory and Reality], Moscow: New chronograph; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS) (in Russian).

- Tikhonova N. E. (2018) Stratifikatsiya po zhiznennym shansom massovykh sloev sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Stratification by Life Chances of Mass Strata in Modern Russian Society]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 6, pp. 53–65 (in Russian).
- Yastrebov G. A. (2014) Sotsial'naya mobil'nost' v postsovetskoy Rossii: novyy vzglyad na problemu (s ispol'zovaniem prodvinutykh metodov analiza) [Social Mobility in the Post-Soviet Russia: A Revision of Existing Measurements by Drawing on Advanced Methods]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 15, no 2, pp. 127–136. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2014/03/31/1317148973/ecsoc_t15_n2.pdf (accessed 6 January 2022) (in Russian).
- Weber M. (1978) *Economy and Society* (eds. G. Roth, C. Wittich), Berkeley: University of California Press.
- Weber M. (1994) *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (eds. D. B. Grusky, I. M. Wallerstein), Boulder, CO: Westview Press.
- Zudina A. A. (2016) Chto skryvaetsya za «srednimi» samoocenkami? Analiz traektoriy sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan v 2000–2014 gg. [What is Hidden Behind the “Average” Self-Assessments? Analysis of the Trajectories of Social Well-Being of Russians in 2000–2014]. *HSE Working Papers Series: Labor Market Problems*, no 5 (in Russian).

Received: April 15, 2021

Citation: Slobodenyuk E. 2022. Mobil'nost' rossiyan v koordinatakh zhiznennykh shansov i riskov [Social Mobility of Russians in Terms of Life Chances and Risks]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 39–59. doi: [10.17323/1726-3247-2022-1-39-59](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-39-59) (in Russian).